с их грузом в Псковскую губернию. В сентябре 1914 г. под Витебском были задержаны и затем выдворены из губернии еще трое китайских торговцев. В Дриссенском уезде китайскому подданному по имени Павел Иванов Ю-чшунь-Цеиангу (принял православие в 1913 г.), служившему лакеем в имении полковника Бискупского, было позволено остаться[26]. В остальных уездах и городах губернии, согласно рапортам местных чиновников, китайских уроженцев не было.

Таким образом, иностранные подданные составляли незначительную долю в составе населения белорусских губерний. Но большинство из них были подданными Германии и Австро-Венгрии, и поэтому данная группа населения находилась под пристальным вниманием российских центральных и местных властей. В предвоенное время руководство губерний и военных округов большое значение придавало сбору сведений о проживавших в Беларуси иностранцах. Выселение гражданских военнопленных в отдаленные регионы России стало одним из основных направлений в деятельности гражданской администрации на территории Беларуси. Вместе с тем власти не считали необходимым полное выселение из западных губерний подданных неприятельских стран. Неспособные к военной службе могли остаться. Но они были существенно ущемлены в правах и в любой момент могли быть выселены. К тому же им приходилось сталкиваться с подозрительным отношением со стороны российских подданных, испытывать нужду из-за высылки кормильцев. Тем не менее их участие в общественной жизни края не было полностью парализовано. Власти разрешали им владеть землей (до 1915 г.), заниматься предпринимательством. Однако в дальнейших мероприятиях официальных властей, обусловленных продвижением армий противника в глубь России, прослеживается курс на полное очищение белорусских губерний от жителей немецкого, австрийского, венгерского, турецкого происхождения, включая российских подданных.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1904. Вып. 22: Минская губерния. С. 4; 1904. Вып. 11: Гродненская губерния. С. 4.
[2] См.: Обзор Виленской губернии за 1912 год. Вильно, 1913. С. 36; Первая всеобщая перепись… СПб., 1900. Вып. 4. Тетр. 1: Виленская губерния. С. 1.
[3] См.: Первая всеобщая перепись… СПб., 1903. Вып. 23: Могилевская губерния. С. 1; Обзор Могилевской губернии за 1913 год. Могилев, 1915. Прил. 11.
[4] См.: Первая всеобщая перепись… СПб., 1904. Т. 11: Гродненская губерния. С. 1; Обзор Гродненской губернии за 1913 год. Гродно, 1914. Ведомость 10.
[5] См.: Обзор Витебской губернии за 1914 год. Витебск, 1916. Ведомость 27; Первая всеобщая перепись… СПб., 1901. Вып. 5. Тетр. 1: Витебская губерния. С. 1.
[6] См.: Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48951. Л. 22 об.–23.
[7] См.: НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48950. Л. 8–9.
[8] НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 53820. Л. 39.
[9] НИАБ. Ф. 299. Оп. 2. Д. 15822. Л. 3–3 об.
[10] НИАБ. Ф. 2687. Оп. 1. Д. 250. Л. 2.
[11] НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8634. Л. 40–41.
[12] НИАБ. Ф. 299. Оп. 2. Д. 15802. Л. 2.
[13] См.: НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 69. Л. 30.
[14] См.: НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 65. Л. 44.
[15] См.: НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48815. Л. 19.
[16] См.: НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 9132. Л. 2, 6.
[17] См.: Черепица В. Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению обороноспособности и жизнедеятельности. Гродно, 2006. С. 65.
[18] См.: НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 69. Л. 163.
[19] См.: НИАБ. Ф. 2687. Оп. 1. Д. 250. Л. 2.
[20] См.: НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48814. Л. 3.
[21] НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48811. Л. 27.
[22] НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48808. Л. 37–38.
[23] См.: НИАБ. Ф. 300. Оп. 1. Д. 65. Л. 486.
[24] Там же. Л. 422.
[25] НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 48807. Л. 17–17 об.
[26] Там же. Л. 8, 10, 15, 31, 44–45.

Поступила в редакцию 29.06.12.

Сергей Николаевич Рындин – аспирант кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор, директор Государственного института управления и социальных технологий БГУ П. И. Бригадин.

П. В. ШЕВЕЛЕВ

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ФОРМЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА НАСЕЛЕНИЕМ БЕЛАРУСИ В 1920-х гг.

Посвящена изменению системы семейно-брачных отношений на территории Беларуси в ранний период существования СССР. За основу этих изменений взято увеличение количества способов создания семьи в указанный период. С использованием широкой источниковой базы выделены четыре основные формы брака, описано их становление, обоснованы различия. Отличительной особенностью статьи является то, что все формы названных отношений рассматриваются в контексте законодательства того же периода, что позволяет более четко понять характеризуемый период. Сделана попытка не просто описать семейно-

брачную систему 1920-х гг., но понять мотивы выбора людьми того или иного способа вступления в брачный союз. Такой подход придает статье антропологический характер.

Ключевые слова: БССР; брак; семья; ЗАГС.

The article is devoted to changing of soviet's family-marriage relations' system in the early period of the USSR. As a basis of this changing the article does show an increase of quantity of ways to create of a family. Using a wide scope of historical sources, the author does emphasizes four main forms of marry. The article gives also the genesis and differences of these forms. At the same time, the publication does not show just a family-marriage relations' system of 1920-s, but describing the motivation of people to choose of any forms of marry. This approach gives the article an anthropological way.

Key words: BSSR; marriage; family; Registry office.

С приходом новой эпохи, начавшейся в 1917 г., в России изменилась не только политическая система. Существенным трансформациям подверглись и повседневные жизненные практики населения советской страны. Многое из того, что считалось частным делом, личной жизнью, под воздействием государственной идеологии и политики приобретало новые формы и механизмы функционирования.

Одна из таких сторон частной жизни – изменение количества возможных способов вступления в брак. Иными словами, с приходом советской власти человеку кроме выбора будущего супруга или супруги предстоял и выбор формы оформления отношений.

В связи с этим целью данной статьи является попытка выделить основные мотивы выбора населением Беларуси той или иной формы брачного союза в контексте семейно-брачной политики советского государства в указанный период.

Методологической основой для написания статьи стали историко-типологический и компаративный методы работы с историческими источниками. Достижение цели в рамках данной статьи предполагало работу прежде всего с законодательными, делопроизводственными и статистическими материалами, относящимися к семейно-брачным отношениям 1920-х гг. Кроме того, для более полного понимания исторического контекста нами были проанализированы работы советских юристов, занимавшихся данной тематикой.

Прежде чем приступить к анализу и мотивации выбора населением Беларуси 1920-х гг. той или иной формы заключения брака, мы считаем необходимым вкратце описать исторический фон, который и привел к трансформации повседневных практик заключения брака и стал базой для складывания специфически советских форм семейно-брачных отношений.

Так, на наш взгляд, отправной точкой следует считать октябрь 1917 г., когда после победы революции был провозглашен курс на стирание старого уклада жизни и старых ценностей взамен на строительство нового социалистического общества, основанного на равноправии всех его членов.

Совершенно очевидно, что в таких условиях для расширения своей опорной социальной базы одной из главных задач советской власти в области семейно-брачной политики было освобождение женщины и предоставление ей полного равенства, в том числе и в семье. Неудивительно поэтому, что первые революционные декреты были посвящены именно вопросам брака и развода: декрет от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» и декрет от 19 декабря 1917 г. «О расторжении брака»[1]. Они были нацелены на коренную ломку старых традиций и установление принципиально новых начал построения брачно-семейных отношений, изымали вопросы брака и семьи из компетенции церкви, делали свободным развод, уравнивали положение детей, рожденных в браке и вне брака[2].

Кроме того, эти декреты отменили существовавший прежде церковный порядок заключения брака и ввели гражданский брак. Церковный брак, потеряв юридическое значение, становился частным делом вступающих в брак. Таким образом, освободившись от многочисленных религиозных и сословных препятствий, брак превращался в действительно свободный добровольный союз двух равноправных людей.

Через год все положения названных декретов перекочевали в «"Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве" (принят ВЦИК 16.09.1918) (вместе с "инструкцией об освидетельствовании душевнобольных")», который и был взят за основу в БССР[3].

Итак, официальная отмена церковного брака и провозглашение его делом светским в приложении на реальные условия медленного распространения информации, пассивного сопротивления и стереотипов общества привели к дифференциации способов заключения различными социальными группами создания семьи.

Всего в 1920-х гг., по свидетельству исторических источников, было четыре возможные формы заключения брака: религиозный, гражданский, фактический и светско-религиозный[4].

Религиозный брак – многовековая традиция, разрушить которую было не просто. В первой половине 1920-х гг. население БССР продолжало активно пользоваться церквами для регистрации брака. Об этом свидетельствует делопроизводственная переписка наркомата юстиции БССР, в которой прямо отмечается, что население, особенно сельское, игнорирует созданные отделы ЗАГС и продолжает заключать религиозные брачные союзы. В связи с этим НКЮ и НКВД БССР был издан совместный циркуляр на правах закона «О недопустимости совершения служителями культов религиозных обрядов крещения и брака без предварительной регистрации их в подотделах ЗАГС»[5]. По этому циркуляру желающие пройти обряд венчания должны были представить справку о том, что их брак зарегистрирован гражданской властью. Однако если посмотреть на процесс организации сети ЗАГСов в обозначенный

период, то можно заметить, что в целом по республике они организовались лишь к 1925 г.[6] Обычными проблемами, сопровождавшими деятельность органов ЗАГС в первой половине 1920-х гг., являлись острая нехватка регистраторов и перебои в обеспечении бланками и регистрационными книгами[7]. Поэтому даже желающие оформить гражданский брак могли с этим столкнуться.

В церкви тоже выдавали вполне официального вида справку, снабженную печатью. Не случайно одной из мер борьбы с религиозным браком было предписание местным властям изымать у священников все предметы, необходимые для формальной регистрации брака (бланки справок, регистрационные книги, печати)[8]. Таким образом, одним из мотивов религиозного заключения брака было желание получить официальный документ, а священники могли восприниматься как должностные лица, его выдающие. В качестве подтверждения данной мысли можно привести и тот факт, что в 1924 г. (к моменту оформления сети ЗАГСов) вышеназванный циркуляр НКЮ и НКВД был отменен[9], а количество браков, совершаемых в церкви, все равно резко упало[10].

В пользу того, что священники воспринимались просто как должностные лица, выполняющие регистрацию, говорит и тот факт, что многие из тех, кто обвенчался в церкви и не регистрировал свой брак после декабря 1917 г., за разводом потом обращались в народные суды[11].

Меры, предпринятые государством для борьбы с религиозным браком, тоже привели к созданию отдельной формы заключения брака. Во избежание путаницы в понятиях назовем его «брак официальный». Легко догадаться, что данная форма заключения свадебного союза предполагала регистрацию брака в органах ЗАГС. Начиная со второй половины 1920-х гг. количество таких браков резко возрастает, что, как уже отмечалось, связано с окончательным оформлением сети ЗАГСов. Кроме того, в это время регистрация в ЗАГСе маркируется советской властью как социально правильное поведение, и дополнительным мотивом именно этой формы регистрации брака становится желание соответствовать «правильному поведению» и избежать осуждения со стороны окружающих. Созданные в республике женотделы вели пропаганду среди женщин, объясняя, что зарегистрированный брак легко доказать в суде в случае развода и взыскания алиментов. Поэтому такая форма брака в глазах советских женщин была более надежна. Актуальным для обоих молодоженов оставалось и получение справки.

По данным ЦСУ БССР, количество официальных браков в республике составляло от 11,1 (в 1924 г.) до 8,5 (в 1927 г.) на 1000 чел.[12]

Все положения политики отделения церкви от государства привели к тому, что в повседневной жизни советских граждан появились «комсомольские свадьбы», на которых роль «попов» выполняли секретари партийных и комсомольских организаций. Подарки новобрачным тоже носили «революционный характер»; чаще всего это была «Азбука революции» Н. Бухарина и Е. Преображенского[13]. Примерно в таком же духе организовывались «красные крестины», названные «октябринами» или «звездинами». Самым активным борцом против участия церкви в семейных делах становится комсомол. Его деятельность, поддерживаемая государством, со временем привела к отходу от практики венчания. Подтверждение преобладающей практики гражданской регистрации осталось и в народном фольклоре: *Теперь новые права // Не надо и венчаться // В комитете за столом // Только расписаться*[14].

Новые права, о которых идет речь, изменили и роль родителей жениха и невесты в заключении брака. Если раньше первые играли решающую роль в процессе выбора супруга, то теперь становятся лишь советчиками, да и то не всегда. Широкое распространение получают браки «самоходкой» или «самокруткой»[15]. Данные термины применялись к тем бракам, в которых невеста сама принимала решение и не советовалась с родителями или когда жених просто выкрадывал невесту из родительского дома.

Расторжение же брака проходило еще проще, чем его регистрация. Достаточно было зайти в ЗАГС и заявить о намерении развестись, причем не требовалось даже присутствия обоих супругов[16]. Такая простота процедуры объяснялась тем, что советская власть объявила о постепенном распаде традиционной семьи в социалистическом обществе и переходе в отношениях к свободному союзу, основанному на любви.

Постепенное же уменьшение количества зарегистрированных браков связано, на наш взгляд, со все большим распространением фактической формы брачного союза. Названная форма не противоречила идеологическим установкам советской страны. Связана она была с представлением о том, что люди в будущем не будут нуждаться в какой-либо отметке, свидетельствующей о том, что они – муж и жена, и формирование союза будет проходить только на основе их взаимного желания[17]. Чтобы это произошло, начинать создавать такую систему надо было уже с первых дней, и потому, несмотря на законодательство, советская власть допускала брак без регистрации где бы то ни было. Как писал в своих работах видный советский юрист Я. Н. Бранденбургский, «регистрация – пережиток, со временем она, конечно, исчезнет, но сейчас она сохраняется главным образом как средство борьбы с церковным браком»[18]. Во многом это снимало моральную ответственность и способствовало более легкому переходу к сожительству. Однако здесь стоит учитывать и еще один фактор, касающийся сельского населения. Дело в том, что в деревне процесс бракосочетания был сложным, обставленным различными народными обрядами и презентацией молодыми себя как мужа и жены перед остальными. Сохранилось такое положение и в 1920-е гг., о чем свидетельствуют этнографические экспедиции, организованные Инбелкультом. Собственно, сам процесс регистрации в церкви или ЗАГСе не был главным[19]. И в условиях, когда освящение в церкви маркируется как девиантное поведение, а регистрация в ЗАГСе необязательна, многие останавливались лишь на публичном объявлении себя мужем и женой через систему

народных обрядов и организацию застолья. Учет таких браков, конечно же, не велся, и точное их количество назвать трудно. В целом по СССР их высчитывают, исходя из соотношения количества мужей и жен в действующих браках, и по статистике видно меньшее количество мужей, чем жен. Это различие составляет от 5 %[20].

На основании уже упомянутого выше совместного циркуляра НКВД и Наркомюста можно также предположить, что существовала и четвертая форма заключения брака. Условно ее можно назвать «брак светско-религиозный». Многовековая практика освящения процесса создания семьи церковью являлась устойчивой традицией, важной для родителей молодоженов. Попытки отказаться от нее поддавшихся на идеологическую агитацию молодоженов могли вызывать протест со стороны более пожилого поколения. Этим объясняется сохранение венчания после официальной регистрации, и основной мотив здесь – желание молодоженов сохранить добрые отношения с родителями.

Отметим, что была и обратная ситуация. Молодожены сначала шли в церковь и платили там, а потом не хотели идти в ЗАГС, чтобы платить еще раз. Более всего такая ситуация была распространена среди сельского населения[21]. Способствовал этому и тот факт, что местные органы юстиции сами не всегда точно знали о распоряжениях и циркулярах, издаваемых в стране. Так, в Национальном архиве Республики Беларусь хранится документ, описывающий случай, принявший широкую огласку в республике и вызвавший активную реакцию со стороны властей. Дело в том, что один из священников Мозырского уезда Всеволод Санькович в 1922 г. отправил запрос местному прокурору с просьбой разъяснить ситуацию по поводу необходимости предоставления свидетельств о регистрации браков органами ЗАГС. В ответе, который он получил, сообщалось, что такая регистрация не обязательна. Данная информация, естественно, быстро распространилась среди всех священников округа, что привело к игнорированию ЗАГСов населением[22].

Таким образом, проведенный анализ соотношения форм заключения брака в БССР в 1920-х гг. позволяет сделать вывод о том, что понятия создания семьи и регистрации брака в этот период следует различать. Само создание семьи у большей части населения Беларуси проходило через систему народных обрядов и публичное представление себя супругами перед обществом. Регистрация же решающего значения не имела и нужна была только как формальное подтверждение произошедшего события.

Мотивы же выбора той или иной формы юридического оформления брака зависели как от объективных, так и субъективных причин. К объективным причинам можно отнести наличие реальной возможности у молодоженов зарегистрироваться тем или иным способом, к субъективным – особенности восприятия людьми образов правильного и неправильного поведения, ценности общественного мнения или мнения родителей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] См.: Вольфсон С. Я. Социология брака и семьи. Минск, 1929.
[2] См.: Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 16.09.1918 [Электронный ресурс]. 20 окт. 2010. Режим доступа: http://www.lawbase.ru/content/view/2937/35/.
[3] Там же.
[4] См.: Шевелев П. В. Трансформация форм заключения брака на территории советской Белоруссии в контексте советского семейного права 1920-х годов // Вклад молодых ученых в развитие правовой науки Республики Беларусь: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 26 нояб. 2010 г. Минск, 2010. С. 216–218.
[5] См.: О недопустимости совершения служителями культов религиозных обрядов крещения и брака без предварительной регистрации их в подотделах ЗАГС: циркуляр Наркомвнутдела и Наркомюста ССРБ, 26 авг. 1922 г., № 85 // Собр. узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства ССРБ. 1922. № 12.
[6] См.: Натуральны рух насельніцтва БССР за 1927 г. Мінск, 1930.
[7] Там же.
[8] См.: Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). Ф. 41. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.
[9] См.: Об отмене циркуляра НКЮ и НКВД за № 85 от 26 августа 1922 года в части, касающейся совершения служителями религиозных культов обрядов крещения, брака и развода. Циркуляр Нар. Ком. Юст. и Нар. Ком. Внут. Дел. БССР, 24 июня 1924 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства БССР. 1924. Ст. 103.
[10] См.: Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: 1920–1930-е годы. СПб., 1999. С. 217.
[11] См.: НАРБ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 26. Л. 26.
[12] См.: Натуральны рух насельніцтва БССР... С. 8.
[13] См.: Лебина Н. Б. Указ. соч. С. 269.
[14] Вольфсон С. Я. Указ. соч. С. 302.
[15] Там же. С. 302.
[16] Там же.
[17] См.: Щекин М. В. Новый быт, новая семья (семья, любовь, брак, проституция). Кострома, 1924. С. 42.
[18] Бранденбургский Я. Н. Брак и его правовые последствия. М., 1926. С. 6.
[19] См.: Сержпутовский А. К. Отчет о поездке в Гомельскую губернию в 1926 году. Минск, 1926. С. 3.
[20] См.: Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги: сб. документов и материалов / сост. В. Б. Жиромская, Ю. А. Поляков. М., 2007. С. 70.
[21] См.: НАРБ. Ф. 41. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.
[22] Там же. Л. 72–75.

Поступила в редакцию 31.08.12.

Павел Валерьевич Шевелев – аспирант кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В. Ф. Ладысев.